

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

**К 80-летию
со дня рождения
Л.Н. Меньшикова**

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2006

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1⁽⁴⁾
весна — лето
2006

Журнал основан в 2004 году
Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

<i>И.Ф. Попова.</i> Лев Николаевич Меньшиков (1926–2005)	5
<i>Фу Сянь-чжань.</i> Памяти Мэн Ле-фу	16
<i>М.В. Баньковская.</i> Не последний поклон	20

ПУБЛИКАЦИИ

Биографии корейских монахов-паломников в «Хэдон косын чон» и «Да Тан си юй цю фа гао сэн чжуань». Сравнительный анализ и перевод с ханмуна <i>Ю.В. Болтач</i>	22
«Гундзин тёкую» («Императорское указание военно-служащим») как памятник военной истории Японии. Введение, перевод с японского и примечания <i>Е.М. Османова</i>	46
Из сборника Су Ши «Дун-по чжи линь» (материалы к истории сунских <i>бицзи</i> , 6). Комментированный перевод с китайского <i>И.А. Алимова</i>	54
<i>Ал-‘Аллāма ас-саййид</i> Мухаммад Хусайн ат-‘Абāтабā’и (ум. в 1402/1981 г.). «Весы (справедливости) в толковании ал-Кур’ана» (ал-Мйзāн фй тафсйр ал-Кур’ан). Перевод с арабского и примечания <i>С.М. Прозорова</i>	82

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>А.Е. Иванов.</i> «Цзо чжуань» и «Ши цзин»: от цитаты — к первоисточнику	108
<i>В.Л. Успенский.</i> Поездка иеромонаха Амфилохия в Монголию в 1912–1914 гг.	137

<i>М.И. Воробьева-Десятовская.</i> Фрагмент письмам кхароштки из коллекции С.Ф. Ольденбурга	145
<i>С.Л. Невелева.</i> Именованье персонажей в «Махабхарате»	150
<i>И.Т. Зограф.</i> Части речи в среднекитайском языке (по памятникам средневекового <i>байхуа</i>)	164
<i>Е.В. Степанова.</i> Радость странствий: Эпиграфика	181
<i>И.И. Надиров.</i> Древнеарабский культ орла (по эпиграфическим материалам)	194

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>А.Д. Кныш.</i> Историография исследований по суфизму на Западе и в России (на англ. яз.)	206
<i>Е.И. Кычанов.</i> Источник по истории тибетского права в китайском переводе	239
<i>Р.С. Бейсебаев.</i> К вопросу о соотношении текстов ал-Истахри и Ибн Хаукаля в разделе о Мавараннахре	244

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

На четвертой сторонке обложки:	<i>Л.И. Чугуевский.</i> Шиллинг Павел Львович [Обозрение фонда № 56 Архива востоковедов СПбФ ИВ РАН]. Вступление и публикация <i>И.Ф. Поповой</i>	249
Из китайского альбома акварелей на «рисовой» бумаге (<i>тунцао</i>) в собрании СПбФ ИВ РАН (Фонд Китайский Nova 15)	<i>Н.В. Кюннер.</i> Н.Я. Бичурин и изучение истории Центральной Азии (по материалам его «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»). Вступление и публикация <i>А.М. Решетова</i>	263

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

	<i>И.В. Кульганек.</i> Конференция «215 лет изучения монгольского фонда Азиатского музея — СПбФ ИВ РАН: от первого списка до трехтомного каталога» (Санкт-Петербург, 6 июня 2005 г.)	273
	<i>Т.А. Пан.</i> 2-я Северо-Американская международная конференция по маньчжуроведению (Гарвардский ун-т, США, 27–29 мая 2005 г.)	276
Над номером работали:	<i>И.Ф. Попова, Таката Токио.</i> Семинар «Дуньхуановедение на берегах Невы» (Санкт-Петербург, 4–6 июля 2005 г.)	279

Т.А. Аникеева
В.В. Волгина
Р.И. Котова
А.А. Ковалев
О.В. Волкова
М.П. Горшенкова
В.И. Мартынюк
А.В. Богатюк
Э.Л. Эрман

РЕЦЕНЗИИ

<i>К.Г. Маранджян.</i> «Уцухо-моногатари» («Повесть о дупле») Введ., пер. и примеч. В.И. Сисаури	282
<i>Т.И. Виноградова.</i> Views from the West. Collection of 19th century pith paper watercolours donated by Mr. Ifan Williams to the City of Guangzhou	284

Е.В. Степанова

Радость странствий Эпиграфика

Эпиграфические памятники (от греч. *epigraphē* — надпись) — составная часть письменного наследия. Обычай вырезать надписи был распространен во многих странах древнего мира — в Египте, Вавилоне, Ассирии, Индии и Китае, Греции и Риме. Эпиграфическая традиция существует в Китае непрерывно с древности и до настоящего времени. Там делали надписи на кости, бамбуке, бронзе и камне, наиболее древние из которых — гадательные надписи на костях и императорские указы на бронзовых сосудах — были документами высшего сакрального и государственного значения. С эпохи династии Хань (206 г. до н.э. — 221 г. н.э.) эпиграфические произведения становятся массовыми: канонические тексты и эпитафии известных людей начинают вырезаться на каменных стелах. Китайская эпиграфика, самая многочисленная в мире, тематически очень разнообразна. Та ее часть, которая является предметом нашего исследования, возникает значительно позднее, с периода Шести династий (III–VI вв. н.э.), параллельно с лирической пейзажной поэзией. Рассматриваемые надписи затрагивали «пассивную сторону конфуцианской личности» с ее дистанцированием от службы, носившим подчас *частичный характер* и совмещавшимся с исполнением обязанностей чиновника. Подобное времяпровождение могло выливаться в длительные, иногда многодневные прогулки по живописным местам, описание которых предоставляет богатейший материал по истории духовной культуры Китая. Многочисленные сведения об этих прогулках зафиксированы в надписях жанра *ю цзи* («надписи о путешествиях»), составлявших для определенных построек: школ, храмов, почтовых станций, мельниц, садов, беседок и павильонов. *Ю цзи* — это послесловия к путешествиям, где записывались мысли, навеянные прогулками с друзьями, общением с природой, созерцанием пейзажей, что сближает этот жанр с пейзажной поэзией. В подобных надписях неоднократно встречаются упоминания о том, что автор не мог выразить свои впечатления в стихах и поэтому составил надпись¹, хотя там встречаются и стихотворные строки. *Ю цзи* — пограничный жанр, он находится на грани литературных жанров стихов и прозы, на грани искусств литературы и каллиграфии, на грани миров культуры и природы. Содержащиеся в произведениях этого жанра описания природы отличаются от географических описаний. В китайской культуре природа — мощное, активное, позитивное начало. В этом есть и положительные и отрицательные моменты: с одной стороны, природа — стирает культуру, следы прошедших исторических эпох², с другой стороны, природа позволяет забыть о тяготах служебной жизни.

¹ См. например: 沈括. 游山门诗序. 中国游记散文大系. 安徽卷. /张成德, 张仁建主编. 太原: 上海出版社, 2002 (*Шэнь Ко*. Предисловие к стихам о путешествии к горным вратам Шаньмэн // Большой свод китайской прозы жанра *ю цзи*. Аньхуэй / Сост. Чжан Чэн-дэ, Чжан Жэнь-цзянь. Тайюань, 2002. С. 445). Далее — ЧЮСДС.

² Наиболее красноречиво об этом пишет Оуян Сю в «Надписи в беседке изобильной радости».

Название жанра *ю цзи* состоит из двух иероглифов. Иероглиф *цзи* переводится как «надписи» или «записки», он встречается и в названии жанров (*би цзи*), и в названии отдельных произведений («Ли цзи», «Ши цзи» и т.д.). Иероглиф *ю* понимается шире, чем путешествие.

Путешествия *ю*

Значения, предлагаемые словарем для перевода иероглифа *ю*, обычно включают в себя «путешествие, странствие; путешествовать, странствовать, гулять, свободно перемещаться». При переводе сунских текстов, связанных с путешествиями, оказывается, что семантическое поле этого иероглифа шире. Такая же ситуация увеличения количества смысловых значений ждет нас и со многими другими иероглифами. В древнем тексте семантическое поле иероглифов было гораздо шире, чем в современном языке. В данном случае мы подробно говорим об иероглифе *ю* как весьма важном для нашей темы. При переводе *ю* на русский язык необходимо либо использовать другие дополнительные слова, либо уточнить и расширить смысл слова «путешествие», характеризуя тот процесс, о котором писали китайские авторы. «Посещать, ходить, гулять, осматривать» — вот значения *ю*, которые можно добавить к уже перечисленным.

В силу длительности развития китайской культуры иероглиф *ю* помимо широкого семантического поля окутан литературной аурой, которая, в свою очередь, влияет на смысл. Этот иероглиф часто встречается в литературных произведениях, например, первая глава «Чжуан-цзы» называется «Странствия в беспредельном» (*Сяо яо ю*) и состоит из нескольких притч, посвященных путешествиям. Великий сунский поэт Су Дун-по³ говорит о «странствии вне вещей» (*ю юй у чжи вай*) как о принципе жизни: «Нет такого места, где бы я не смог радоваться, потому что я странствую вне вещей». В данном случае «странствие» понимается как отсутствие привязанности к предметному, материальному миру. В надписях жанра *ю цзи* мы встречаемся и с реальными прогулками авторов по горам и ущельям, и со странствиями вне природного мира. В даосских странствиях некоторые исследователи усматривают также отголоски шаманского путешествия⁴.

Путешествие связано с общением с природой, пути между населенными пунктами проходили среди гор и лесов, поэтому красота природы оказывала воздействие на путешественников. Зачастую авторы называют путешествием *ю* и прогулку в саду вместе с друзьями. Су Дун-по пишет о странствиях и радости в беседке, из чего видно, что его путешествие не фактическое, а умозрительное⁵. Получается, что перемещение на лоно природы уже само по себе путешествие. Для наших героев путешествием, странствием становится пребывание вне повседневности. Это может быть выезд за

³ Су Ши 苏轼 (1037–1101) — литератор периода Северная Сун (960–1127). Второе имя — Цзы-жань, литературный псевдоним — Дун-по. Родом из Мэйшани (совр. пров. Сычуань). В 1057 г. он получает высшую ученую степень *цзиньши* и назначение на должность. Из-за несогласия с реформами Ван Ань-ши Су Ши покидает двор и служит *тунпанем* в Ханчжоу. В 1079 г. за стихотворение против «новой политики» он был сослан в Хуанчжоу. При Чжэ-цзуне служил *ханьлинъ сюэши, ли бу шаншу*. В 1094 г. был снова сослан в Хуэйчжоу, потом в Даньчжоу на далеком юге. Возвращаясь на север, заболел и умер в Чанчжоу. Вместе с отцом Су Сюнем и младшим братом Су Чжэ их называют «Три Су». Занимает лидирующее место в литературе второй половины периода Северная Сун. Один из «восьми великих литераторов Тан и Сун». В стихах в жанрах *ши* и *цзю*, в прозе достиг высочайших успехов, имел большое влияние на последующие поколения. Его стихи и проза собраны в своде 苏轼文集 (Собрание сочинений Су Ши). Су Ши также один из «четырех лучших каллиграфов Сун». В живописи предпочитал писать бамбук, сухие деревья и удивительные камни.

⁴ Маслов А.А. Китай: колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала. М., 2003.

⁵ 苏轼. 喜雨亭记. 唐宋八大家散文选. 方笑一选注. 上海: 汉语大词典出版社, 2002 (Су Ши. Надпись в беседке, где радуются дождю // Избранная проза восьми великих периодов Тан и Сун / Сост. Фан Сяо-и. Шанхай, 2002. С. 175–176). Далее — ТСБДЦ.

город на пикник, перемещение на дальнее расстояние, поездка к историческим местам или духовным центрам. В китайской традиции созерцание пейзажного свитка приравнивается к путешествию в те места, которые зритель видит перед собой. Путешествуя, человек переступает пределы обыденности, он оказывается на грани уже познанного мира, он более открыт неизведанному. Попадая в новую для себя местность, он в первую очередь обращает внимание на то, что является предметом его живого интереса. Поэтому, исследуя *ю цзи*, мы получаем ключик к каждому из наших авторов. Например, Оуян Сю⁶ в своих надписях обращает внимание на места, интересные с исторической точки зрения, Су Дун-по — на насыщенность духовной жизни.

В Китае чиновники раз в несколько лет перемещались по стране от одного места службы к другому, эти переезды были традиционными и использовались как для отдыха, так и для ознакомления с окружающей местностью. Су Ши, сосланный в 1094 г. в Гуандун, едет к месту будущей службы в течение полугода, по дороге навещая друзей и родственников. Многие дети из семей чиновников начинали путешествовать с детства. Например, Мэн Юань-лао⁷ пишет: «Я с покойным отцом, который находился на службе, путешествовал [по всей стране] с юга на север»⁸. Некоторые поездки начинались как служебные и продлевались как частные, чтобы посетить вместе с друзьями знаменитую гору или монастырь. Се Цзянь⁹ получил императорское повеление отправиться на гору Суншань¹⁰ и провести [обряд] жертвоприношения. Он пригласил с собой местных чиновников и своих друзей, и они вместе отправились в путь. После того как дела были завершены (обряд был совершен), они посетили дворец Синьчжи-гун (Дворец нового правления) и поклонились портрету императора Чжэнь-цзуна¹¹. «Сразу после этого мы достигли подножия гор и монастыря Цзюнь-цзичжун (Среди высоких гор), только там мы сменили чиновничью одежду на простую, оставили экипажи и сопровождающую пехоту и, взяв с собой не более десяти человек, налегке отправились дальше»¹². И далее друзья отправляются в свободное странствие ради собственного удовольствия: днем карабкаются по горам, вечером наполняют вином бокалы. Прохладные осенние дни не пугают их. «В это время стояла ясная осень, днем воздух был влажным, а погода не слишком холодной, поздние цветы и густые травы оплетали камни и стены. Именно тогда тело исполнено здоровья и силы, к тому же есть друзья, с которыми можно весело поговорить, поднимаясь все выше, подвергаясь опасностям, чувствуешь размах и становишься сильнее. Когда

⁶ Оуян Сю 欧阳修 (1007–1072) — литератор и историк периода Северная Сун. Родом из Цишуй (совр. пров. Цзянси). Сдал экзамен на степень *цзиньши* в годы *тянь-шэн* (1023–1032), занимал высокие должности при дворе. Поддерживал реформаторское движение Фань Чжун-яня, после отставки которого в 1036 г. был сослан в Илин, в 40-е годы Оуян Сю был сослан повторно. В 1057 г. ему было поручено возглавить государственную экзаменационную комиссию, и именно в тот год успеха добились Су Ши и Су Чжэ. В последние годы жизни был настроен против реформ Ван Ань-ши. При Северной Сун Оуян Сю возглавлял литературное движение за возврат к древнему стилю, является одним из восьми великих авторов Тан и Сун. Известен своими историческими сочинениями: *新五代史* (Новая история Пяти династий) и *新唐史* (Новая история династии Тан), написана в соавторстве с Ци Хэ-сю. Им написана знаменитая проза в жанре *ю цзи* 醉翁亭记 (В беседке пьяного старца), переведена на русский В.М. Алексеевым, и 丰乐亭记 (Надпись в беседке изобильной радости).

⁷ Мэн Юань-лао 孟元老 — литератор периода Южная Сун (1128–1279). Годы жизни неизвестны. В начале жизни он жил в тогдашней столице Бяньцзине (или Дунзин — Восточная столица), ныне город Кайфын в провинции Хэнань, столица Китая при династии Северная Сун (960–1127). После взятия Кайфына чжурчжэнями в 1127 г. бежал на юг, где написал «Роскошные сны Восточной столицы» (*Дунзин мэн хуа лу*).

⁸ 孟元老. 东京梦华录续 (Мэн Юань-лао. Предисловие к роскошным снам Восточной столицы) // ЧЮСДС. Хэнань. С. 80.

⁹ Се Цзянь 谢绛 (994–1039) — сунский литератор, родился в Фуяне (совр. пров. Чжэцзян). В 1015 г. получил степень *цзиньши* при сунском Чжэнь-цзуне. Известен благодаря своим литературным произведениям.

¹⁰ Гора Суншань 嵩山 находится в провинции Хэнань недалеко от Лояна, одна из пяти великих гор.

¹¹ Чжэнь-цзун 真宗 — император династии Северная Сун (998–1022).

¹² 谢绛. 游嵩山寄梅殿丞书 (Се Цзянь. Письмо Мэй Дянь-чэну о путешествии на гору Суншань) // ЧЮСДС. Хэнань. С. 102.

мы встречали огромный камень или проходили мимо величественного дерева, то обязательно останавливались около них отдохнуть, наливали [в бокалы] вина или пили чай и важно [восседали] там подолгу. Когда дорога была прямой, то мы перемещались в паланкинах, [которые] несли на руках носильщики. Когда горы становились обрывистыми и опасными, то мы, надев обувь из травы, пешком шли вперед». Путешествие почти немыслимо без верных спутников и интересных собеседников. Друзья «зажигают светильники, готовят разнообразные яства и вино, пять человек, сняв головные уборы и развязав пояса, садятся в круг, поднимают бокалы, слагают стихи и разговаривают о Дао, подтрунивают друг над другом; ничем не связанные, они не знают усталости, и даже ростки желания наживы им неизвестны. Уже за полночь, осталось немного времени, чтобы положить голову на подушку и отдохнуть»¹³.

В хорошей компании и усталость не так чувствуется: «...мы прошли двадцать пять ли, а на ночь остановились в гостинице семьи Лю. Сразу же мы почувствовали усталость, тогда Инь Ши-лу начал рассказывать удивительные истории, Оуян Сю и Ян Цзы-цун напевали простонародные мотивы, Ван Ци-дао играл на дудке, заставляя людей все время смеяться до упаду; кто бы мог подумать, что дорога была ухабистой и длинной»¹⁴.

Во время путешествия подстерегают удивительные открытия. Проводниками в познании неизведанных мест и в освоении природы часто становятся буддийские наставники. Су Дун-по неоднократно встречался с буддийскими наставниками¹⁵. Гуйлинский монах Вэй Шэнь раскрывает для Лю Кая¹⁶ новые прекрасные пейзажи горы Тяньпиншань. В этой местности Лю прожил около двух лет и думал, что для него здесь не осталось ничего не известного. Вэй Шэнь «навестил монастырь Минцзяоюань (Светлого Учения) на горе Тяньпиншань, разыскал все самые потаенные места, осмотрел источники и камни»¹⁷. Лю Кай предлагает Вэй Шэню отправиться в путешествие вместе, туда, где нет числа «странным камням и удивительным цветам». После поездки он пишет: «Я оставался в горах пять дней и не хотел возвращаться. И начал понимать, что слова Вэй Шэня не ложь, и с грустью вздыхал, что многие годы я жил не более чем в ста ли от этих мест, а о здешних крайне прекрасных пейзажах даже и не слышал, и мне было стыдно перед Вэй Шэнем»¹⁸. Так благодаря монаху Лю Кай испытывает радость непознанного среди, казалось бы, давно знакомого и известного и сожалеет о том, что жил рядом и не знал об этом.

Следует отметить, что путешествие как вид досуга — прерогатива служилого сословия, простолюдины не могли оставить свою работу. «Простолюдины не могут провести в путешествии и один день, потому что они должны выполнять свою работу, они не могут отдыхать, выезжая за пределы своего местожительства»¹⁹. Путешествие оказывается привилегией образованных людей, для которых ссылка на отдаленный район сопряжена и с приятными моментами, поскольку во время переезда они вольны свободно распоряжаться собой. Оказавшись вне служебной жизни, за пределами чиновничьей карьеры, они максимально приближены к природе и зависят преимущественно от природных явлений (в основном связанных с водой — паводков

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Мартынов А.С. Буддийские темы у Су Дунпо // Проблема человека в традиционных китайских учениях. М., 1983. С. 80.

¹⁶ Лю Кай 柳开 (947–1000) — сунский прозаик. Родился в Дамине (совр. пров. Хэбэй). Получил степень *цзиньши* при сунском Тай-цзу в 6-м году *кай-бао* (973 г.), служил в Сунчжоу, Чанчжоу и в других местах, на пути в Цанчжоу заболел и умер. Поклонник творчества Хань Юя 韩愈 (768–824), один из предвестников *гуэнь* — литературного течения эпохи Сун, ратовавшего за возврат к древнему стилю.

¹⁷ 柳开. 游天平山记 (Лю Кай. Надпись о путешествии на гору Тяньпин) // ЧЮСДС. Хэнань. С. 219.

¹⁸ Там же. С. 220.

¹⁹ Шэнь Ко. Предисловие к стихам. С. 445.

и разливов), а не от придворных интриг. Они освобождаются для того, чтобы «поднимать голову вверх и смотреть на синие горы, опускать голову вниз и слушать текущую воду»²⁰.

Природа и радость; странствия и радость

В надписях жанра *ю цзи* путешествия *ю* неразрывно связаны с радостью *лэ*. Чжу Си²¹ так пишет о родине своего отца: «Он путешествовал [в тех местах] и радовался этому». И поэтому отец завещал сыну вернуться туда²². В надписях этого жанра тема радости постоянно повторяется, источниками радости для авторов *ю цзи* становятся природа и странствие.

Можно выделить несколько видов радости: ощущения природы как гармоничного космоса; уединения и отшельничества; захолустья, наслаждение простотой нравов.

Первый вид радости — это радость ощущения природы как гармоничного космоса и слияния с природой и космосом. По китайским представлениям, человек лишь небольшая часть мира природы. Жизнь людей соединена с окружающим миром невидимыми связями и обусловлена ими. Самый правильный способ поведения — жить в соответствии с движениями в природе и не вступать в противоречия с ними.

Существуя сообразно природным ритмам, китайцы традиционно в течение четырех сезонов наблюдали и любовались изменениями в природе. Ли Гэ-фэй²³ так пишет о саде танского полководца Пэй Ду: «Когда приходит весна, цветение в самом разгаре, и ясным днем [от яркости цветов] рябит в глазах. Летним днем по воде плавает зеленая ряска, и все вокруг погружено в густую тень деревьев. Осенью вода спокойна и прозрачна, и можно увидеть, как в ней плещутся рыбы. Зимой опадают листья, и вокруг становятся видны многочисленные горы. В каждый из четырех сезонов сад неодинаков, но виды всегда прекрасны, и их все невозможно полностью описать словами»²⁴. В каждое время года посетители сада находят новые источники наслаждения, и пейзажи четырех сезонов не устают радовать зрение и слух.

Странствие дает возможность почувствовать свою связь с природой и космосом. Су Чжэ²⁵ пишет о молодом Су Дун-по: «Некогда в детстве я путешествовал с Цзы-жанем. Когда встречались горы, на которые можно взобраться, или потоки, через которые можно переплыть, Цзы-жань всегда... шел первым (передо мной). Если же встречались недоступные места, то он тосковал по несколько дней. Когда же он свободно

²⁰ 苏辙. 洛阳李氏园池诗记 (Су Чжэ. Надпись к стихам в саду и у пруда семьи Ли в Лояне) // ЧЮСДС. Хэнань. С. 39.

²¹ Чжу Си 朱熹 (1130–1200) — литератор, философ и педагог периода Южная Сун. Его семья родом из Уюаня в Хуэйчжоу (совр. пров. Цзянси), откуда была вынуждена эмигрировать в Цзяньян (ныне в пров. Фуцзянь). Получил степень *цзиньши* в 18 лет в годы *шао-син* (1131–1162), с 1178 г. находился на государственной службе, неоднократно, но ненадолго назначался на высокие административные посты. В 1241 г. причислен к величайшим конфуцианским авторитетам, в 1313 г. его учение официально включено в тексты, необходимые для сдачи государственных экзаменов. Литературное наследие Чжу Си велико, основополагающие идеи выражены в комментариях к конфуцианским канонам и в беседах, записанных учениками (*юй лу*).

²² 朱熹. 名堂室记. (Чжу Си. Надпись в помещении Светлого павильона) // ЧЮСДС. Аньхуэй. С. 447.

²³ 李格非 李 Гэ-фэй — сунский ученый и писатель. Отец знаменитой поэтессы Ли Цин-чжао (1084 — около 1151). Родом из Цзинани (совр. пров. Шаньдун). Получил степень *цзиньши* при императоре Шэнь-цзуне в 9-м году *си-нин* (1076 г.). Служил сверщиком текстов, помощником составителя, чиновником при министерстве церемоний. Занимался изучением канонических книг, писал стихи и эссе. Одно из его произведений — «Заметки о знаменитых садах Лояна» (洛阳名园记).

²⁴ 李格非. 湖园 (Ли Гэ-фэй. Сад озера) // ЧЮСДС. Хэнань. С. 33.

²⁵ Су Чжэ 苏辙 (1039–1112) — литератор периода Северная Сун. Родом из Мэйшани (в совр. пров. Сычуань). В 19 лет вместе со старшим братом Су Ши сдал экзамены на степень *цзиньши* одним из лучших. Служил в должностях *шаншу юэна* и *шилана*. Является одним из восьми великих литераторов эпох Тан и Сун. Его вместе с отцом Су Сюнем и старшим братом называют «Три Су».

порхал в одиночестве, среди беспредельных родников и камней, собирал в лесах ароматные травы, подбирал плоды, зачерпывал воду [из ручьев] и пил ее, все, кто его встречал, считали его *сянем* (небожителем)»²⁶. Су Ши находился в гармонии с природой и был так счастлив в общении с ней, что все считали его не человеком, а духом.

В надписях *ю цзи* прекрасные пейзажи и виды природы вызывают у путешественников чувство радости. Су Чжэ пишет, что в горах Сишань была беседка, построенная среди деревьев на узкой полоске земли, и все гости не помещались в нее. Однажды во время грозы подул сильный ветер, и одно из деревьев вырвало с корнем, место, где оно стояло, освободилось, и беседку расширили и достроили. Когда строительство было завершено, вид из беседки на прекрасные пейзажи горы Сишань стал завершенным, и именно это больше всего радовало Цзы-жэня — старшего брата Су Чжэ²⁷. Его радовало то, что открылись новые прекрасные, ранее недоступные взору виды, которыми можно любоваться. И еще то, что теперь все гости могли уместиться во вновь построенной просторной беседке.

Природные пейзажи разных мест неодинаково благоприятны и пригодны для ощущения слияния с природой. В сунских надписях наиболее благодатными считались окрестности Лояна. Су Чжэ, характеризуя эти места вокруг Лояна, пишет, что здесь лучшими видами гор и лесов, чистотой ручьев и рек простой народ может наслаждаться вместе с аристократами. Сама Природа заставляет человека радоваться, и не нужно ничего, кроме того, чтобы просто находиться в Лояне. В Лояне «дома на маленьком клочке земли достаточно, чтобы, подняв голову вверх, смотреть на синие горы и, опустив голову вниз, слушать бегущую воду, повсюду растут удивительные цветы и высокий бамбук»²⁸. Те, кто живет здесь, могут радоваться (*цю чжи кэ лэ*)²⁹. Ли Фу тоже пишет: «В Лояне воды сладкие, а земли плодородные, ветры ласковые и дуновения спокойные, с древности и до нынешних времен люди с радостью селятся здесь»³⁰.

От природных явлений зависит и жизнь общества. Надпись Су Дун-по *Си юй тин цзи* посвящена радости, которая возникает оттого, что все в природе идет в соответствии с естественными ритмами. Радость и спокойствие чиновника-конфуцианца Су Дун-по зависит от того, пойдет ли дождь. Если не будет дождя, то осенью будет неурожай и не будет еды, если не будет еды, то будет много воров и бандитов, суды будут переполнены, будет много тяжб и разбирательств, и жизнь чиновника станет беспокойной, не будет времени на отдых с друзьями. «В таком случае даже если бы я и захотел странствовать и веселиться с друзьями в этой беседке, то разве это было бы возможно?»³¹. Именно поэтому Су Дун-по вместе со всем народом радуется дождю: пошел дождь, значит, будет урожай, значит, не только сейчас, но и в будущем можно будет радоваться бесконечно. «Чиновники все вместе отмечали [это событие] на крытой террасе, торговцы все вместе на рынке пели песни, крестьяне все вместе радовались в полях, успокоившиеся люди предавались веселью, заболевшие выздоравливали, по такому случаю я достроил беседку»³². По мнению Су Ши, нужно не только отмечать это радостное событие, но и помнить о нем, поэтому он называет свою беседку *Си юй тин* («Беседка, где я радуюсь дождю»).

Таким образом, отсутствие природных катаклизмов и гармония природы являются предпосылками для странствий и для радости. Если в природе что-то происходит не

²⁶ 苏辙。武昌九曲亭记 (Су Чжэ. Надпись в беседке Цзю цю в Учане) // ТСБДЦ. С. 216.

²⁷ Там же. С. 216.

²⁸ 苏辙。洛阳李氏园池诗记 (Су Чжэ. Надпись к стихам в саду и у пруда семьи Ли в Лояне) // ЧЮСДС. Хэнань. С. 39.

²⁹ Там же. С. 39.

³⁰ 李复。游归仁园记 (Ли Фу. Надпись о прогулке в саду Гуйжэнь) // ЧЮСДС. Хэнань. С. 36.

³¹ Су Ши. Надпись в беседке, где радуются дождю. С. 175.

³² Там же. С. 175.

так, свободное странствие становится невозможным. Характерно, что названия многих беседок и садовых построек связаны с радостью.

В городской среде, на урбанизированной территории, выполняя служебные обязанности, нелегко поддерживать непрерывный контакт с миром природы. Для благородных мужей духовное общение с природой являлось источником сил. Поэтому в городах начинают разбивать сады, отгораживаться от суетного внешнего мира, искать уединения, чтобы восстановить силы.

Радость уединения и отшельничества

Находящийся на службе конфуцианец постоянно пребывал в состоянии выбора: оставаться на службе или уйти от мира и стать отшельником. Любуясь пейзажами, Шэнь Ко³³ размышляет, служить или выходить в отставку, чтобы навсегда остаться в горах³⁴. Этот вопрос каждый из сунских конфуцианцев решает сам для себя. Оуян Сю и Су Дун-по до старости остаются на службе, Сыма Гуан³⁵, выйдя в отставку, много времени проводит в своем «Саду одинокой радости».

Концепция совмещения служебной деятельности и полуотшельничества отражена уже в танское время в поэзии Бо Цзюй-и³⁶:

Великий отшельник живет при дворе,
Настоящий отшельник уходит в холмы,
Но полуотшельником стать — это значит,
Будучи в должности, от мира уйти.³⁷

Конфуцианцы совмещали службу и странствия. В своих произведениях они много размышляли об отшельнической жизни, и сами часто дружили с отшельниками.

Одним из символов отшельнической жизни в китайской культуре был журавль — «одинокая, свободная, возвышающаяся над мирской жизнью»³⁸ птица. Ученый, бегущий от мирской жизни в горы и леса, может быть сравним с журавлем. «В „И цзинь“ сказано: „Журавли кричат в уединенных местах, и их птенцы кричат вместе с ними“. В „Ши цзинь“ сказано: „Если на болоте кричат журавли, то крик их слышен на небе“. ... Те, кто писали „И цзинь“ и „Ши цзинь“, сравнивали с журавлем благородного отшельника, исполненного добродетелями»³⁹.

³³ Шэнь Ко 沈括 (1031–1095) — ученый и литератор периода Северная Сун. Родом из Цяньтана (г. Ханчжоу в совр. пров. Чжэцзян). Получил степень *цзиньши* в годы *цзяю* (1056–1063) при императоре Жэнь-цзуне. В 5-м году *си-нин* (1072 г.) получает назначение в Сытяньцзянь, где изучает звездное небо и составляет его карты, занимает ряд высоких постов. В 1075 г. в должности *ханьлин* *сюэши* отправляется послом в государство Ляо. Человек энциклопедической эрудиции в области астрономии, географии, музыки, медицины и т.д. После отставки жил в своем поместье Мэнси. Сохранилось четыре его сочинения, сборник бици «Записи бесед в Мэнси» частично переведен на русский язык. См.: Алимов И.А., Серебряков Е.А. Вслед за кистью. Материалы к истории сунских авторских сборников бици. Часть 2. СПб., 2004. С. 134–153.

³⁴ Шэнь Ко. Предисловие к стихам. С. 445.

³⁵ Сыма Гуан 司马光 (1019–1086) — историк периода Северная Сун. Родом из Шаньчжоу уезда Ся (совр. пров. Шаньси). Получил степень *цзиньши* в годы *бао-юань* (1038–1040). Занимал высокие государственные посты. Был идейным вождем так называемой старой партии (*цзю дан*) — группировки, противодействовавшей реформам Ван Ань-ши. Основное сочинение — исторический труд «Всеобщее зеркало, управлению помогающее», написанный в соавторстве с Лю Шу, Лю Бинем, Фань Цзю-юем.

³⁶ Бо Цзюй-и 白居易 (772–846) — один из великих авторов «золотого века» китайской поэзии при династии Тан (618–906). Неоднократно издавался в русских переводах.

³⁷ Имеются в виду три способа отшельничества: великий отшельник (*да инь*) может находиться при дворе и в центре мирской жизни, но внутренне оставаться подлинным отшельником; полуотшельник (*чжун инь*) считает себя отшельником, но от чиновничьего жалованья и должности не отказывается; настоящий отшельник (*сяо инь*) непременно уединяется от мирской суеты и совершенствуется в единении с природой вдали от службы. Цит. по: Алимов И.А., Серебряков Е.А. Вслед за кистью. С. 191.

³⁸ 苏轼. 放鹤亭记 (Су Ши. Надпись в беседке, где выпускают журавлей) // ТСБДЦ. С. 177.

³⁹ Там же. С. 178.

У друга Су Дун-по, жившего в горах отшельника Шань-жэня, было два журавля. «Утром он выпускал их на западной стороне горы, они свободно летали, ходили по полям на берегу [реки], парили под облаками, а вечером возвращались на восточную сторону горы в беседку Шань-жэня...»

«Цзюньшоу Су Ши с гостями и сослуживцами часто приходил навестить Шань-жэня, [вместе] они пили вино в беседке и радовались, приветствовали Шань-жэня и спрашивали его: „Ты знаешь радость уединения? Даже император не может так просто радоваться жизни“»⁴⁰.

Су Дун-по считает, что жизнь отшельника лучше жизни императора, потому что первый более свободен. В этом главная радость отшельнической жизни. Император не может беззаботно наслаждаться жизнью и предаваться веселью, иначе он потеряет свою страну. Например, Вэй И-гун так любил журавлей, что забросил государственные дела и лишился своего государства. А отшельнику даже и вино не принесет вреда, Лю Лин и Жуань Ци (двое из «семи мудрецов в бамбуковой роще» периода Лючао) хотя и были неразлучны с вином, раскрыли свой небесный талант. Шан-жэнь, смеясь, соглашается с поэтом в том, что радость императора и радость отшельника неодинакова⁴¹. В своей жизни Су Дун-по не становится настоящим отшельником. На восточном склоне Дун-по может быть по-настоящему свободен, но так же, как журавли возвращаются к Шань-жэню, Су Дун-по возвращается к своим обязанностям. А отшельник Шань-жэнь забывает обо всем и остается с журавлями.

Прогулки и странствия благородных мужей — это всего лишь имитация отшельничества. Не каждый мог воплотить идеал отшельничества в своей жизни. В то же время одним из элементов духовной культуры ученых-конфуцианцев становится бегство к лесам и полям. Такое стремление к *частичному* уединению нашло отражение в культуре садов.

Сады, точнее отдельные уголки сада, воспринимались как убежище отшельника, где «в густых зарослях, в уединенных местах, никак не соприкасаясь с внешней стороной жизни, словно провел границу, и находишься в далеких горах и в глубине леса»⁴². Чтобы оказаться за этой невидимой границей, нужно «пройти по тропинкам в зарослях, перейти маленькие мостики, подняться в травяную хижину, [отыскать] плавучий домик на пруду и круглое убежище из бамбука»⁴³, т.е. отправиться в путешествие. Недаром сидение в беседке и любованье пейзажем или прогулку по саду называют странствием, для наших героев это духовная практика перехода границы и перенесения в горы или в лес.

Банальное убежание от жары описывает в одной из своих самых красивых надписей Оуян Сю: «В шестом лунном месяце с дня гэн начинаются самые жаркие дни, часто от жары ясным днем появляется радуга, внезапно ударяет гром и ломает бамбук, [мгновенно] собираются тучи и хлещет горячий дождь, ветер нещадно обжигает, и нет ни одного прохладного места, где можно было бы укрыться от жары, поэтому я с друзьями прихожу в сад Пуминхоу странствовать»⁴⁴. От сильного ливня поднимается вода в каналах, потоки дождя окутывают лес, и лепестки распустившихся цветов падают на воду. Слуги расстилают на берегу циновки. Некоторые из гостей наклоняются и достают лепестки из воды, некоторые — пьют вино или играют в облавные шашки. Если ты не поешь и не декламируешь стихи, то невозможно выразить те чувства, которые переполняют тебя. Так Оуян Сю воспевает свое убежание от жары.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 177–178.

⁴² 李复. 游归仁园记 (Ли Фу. Надпись о прогулке в саду Гуйжэнь) // ЧЮСДС. Хэнань. С. 36.

⁴³ Там же.

⁴⁴ 欧研修. 游大寺院记 (Оуян Сю. Надпись о прогулке в саду больших иероглифов) // ЧЮСДС. Хэнань. С. 367.

Противоречит ли такое отгораживание и уединение конфуцианским идеалам. Уместно ли радоваться одному или следует радоваться вместе с народом? В своих размышлениях о радости авторы сунского периода неоднократно обращаются к конфуцианским классикам. Над одним и тем же отрывком из второго раздела первой главы «Мэн-цзы» размышляют в эпиграфических памятниках Оуян Сю и Сыма Гуан.

Мэн-цзы встречается с лянским Хуэй-ваном. До разговора с философом Хуэй-ван стоял у озера, любуясь лебедями, гусями и оленями. Он спрашивает Мэн-цзы: «Люди достойные также находят в этом удовольствие?» И Мэн-цзы отвечает, что «только достойные люди и находят в этом удовольствие, а недостойные, хотя у них и есть все это, не находят в этом удовольствия». Здесь же Мэн-цзы приводит отрывок из «Ши цзина», рассказывающий о том, как основатель династии Чжоу — Вэнь-ван⁴⁵ строил чудесную башню. Вэнь-ван внушал народу не торопиться со строительством, но люди, словно дети к отцу, сами приходили на работы. «Когда князь был в чудесном своем парке, лани, лоснящиеся от жира, спокойно лежали на своих местах; белоснежные птицы блестили своей белизной. Когда он был у своего чудного озера. Ах! Как оно кишело рыбою, прыгавшей в нем»⁴⁶. Далее Мэн-цзы пишет, что Вэнь-ван руками народа построил башню с озером, и народ радовался, называя башню «чудесной башней», а озеро — «чудесным озером»; он радовался, что у *вана* есть олени, рыбы, черепахи. Древние государи радовались вместе с народом, потому и могли радоваться⁴⁷.

Народ радовался вместе с Вэнь-ваном и готов был погибнуть вместе с тираном Цзе⁴⁸, хотя и у того были террасы, озера, птицы и звери, но разве он мог один наслаждаться этим? Тиран Цзе был недостойным правителем, несмотря на то что у него было все, он не находил в этом удовольствия, он не мог радоваться сам и не мог разделить свою радость с народом. Радость достойного правителя, как и сила *дэ*, приносит в мир порядок и гармонию. Она заставляет радоваться сердца людей и как любое качество достойного правителя проецируется на его подданных. В присутствии Вэнь-вана лани спокойно лежат, птицы блестят белизной, озера кишат рыбой — и люди радуются вместе с ним. Радость народа является следствием установления порядка в Поднебесной и правильного управления. Мэн-цзы подчеркивает, что только достойный правитель может радоваться общению с Природой. Природа как лакмусовая бумажка раскрывает внутренние качества и истинную сущность человека. Вэнь-ван становится примером для подражания Хуэй-вану, современнику Мэн-цзы из государства Лян; и Вэнь-ван, и Хуэй-ван, в свою очередь, становятся примером для подражания Оуян Сю.

Со временем разделять с народом радость общения с Природой становится не только прерогативой государя, но и обязанностью местного управляющего. Оуян Сю пишет, что распространять идущее сверху благое влияние *дэ* государя и радоваться вместе с народом он считает своей обязанностью, поэтому он называет павильон, где наслаждается общением с Природой, «Полная радость» (*фэн лэ*). Народ округа радовался богатому урожаю в конце года и радостно гулял вместе с правителем по живописным местам⁴⁹.

К сунскому времени взаимоотношения с природой, сохраняя измерение Государь—Природа, Правитель—Природа, становятся неотъемлемым элементом частной жизни

⁴⁵ Вэнь-ван 文王 считается родоначальником династии Чжоу, хотя в действительности никогда не царствовал. В XII в. до н.э. был главой удела Чжоу и, по преданию, своим духовным совершенством заслужил милость неба, которое лишило последних представителей династии Инь (Шан) мандата на правление за недостойное поведение. Сын Вэнь-вана — У-ван разгромил Шан и провозгласил династию Чжоу. Титул правителя был присвоен Вэнь-вану посмертно благодарными потомками.

⁴⁶ Попов П. С. Китайский философ Мэн-цзы. Репр. изд. М., 1998. С. 2.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Цзе — последний император династии Ся, отличавшийся жестокостью и деспотизмом. Его имя стало нарицательным.

⁴⁹ 欧阳修. 丰乐亭记 (Оуян Сю. Надпись в беседке изобильной радости) // ТСБДЦ. С. 107.

совершенного мужа. Сад становится пространством моделирования бесконечных путешествий на маленьком клочке земли. Сад, как и дом, раскрывает перед нами непубличную жизнь совершенного мужа, его личное пространство, частный характер которого Сыма Гуан подчеркивает и в названии своего сада — «Сад одинокой радости», из названия понятно, что хозяин сада либо не разделяет взглядов Мэн-цзы, либо нашел лазейку, оправдывающую его радость в одиночку. Сыма Гуан пишет, что радость Конфуция, Мэн-цзы и Янь-цзы — это радость мудрецов, которой ему не достичь. «Гнезда крапивников в лесу не занимают больше одной ветки, пришедшая попить воды мышка не выпьет больше, чем вместит ее живот, каждому довольно и маленького кусочка, чтобы удовлетворить свои потребности, вот это немногое и есть радость старика Юй-соу»⁵⁰. Вне службы старик Юй-соу предпочитает маленькие даосские радости. Но мир не без «доброжелателей», и вот уже некто обвиняет его: «Я слышал что то, что его радует, совершенный муж должен разделять с другими людьми (радоваться вместе с народом). Нынче же тебе достаточно радоваться одному, а не вместе с людьми, разве это допустимо?» Сыма Гуан поблагодарил этого человека и ответил: «Я глупый старик, как можно сравнивать меня с совершенным мужем! Боюсь, что моя радость слишком мала, чтобы распространить ее среди людей. К тому же то, что меня радует, удаленное, заброшенное, дикое, все это люди отвергают, даже если бы я предложил это людям, то они не захотели бы этого принять, разве должен я принуждать их? Но если найдется человек, который разделит со мной эту радость, то я неоднократно буду приглашать его и покажу ему свой сад, разве я посмею сохранить его только для себя!»⁵¹.

Путем самоуничтожения Сыма Гуан ускользает от обязанности совместной радости, которую выполняет Оуян Сю. Он освобождает себя для радости одиночества. И тогда «ясная луна вовремя поднимается на Небе, чистый ветер сам приходит, и нет ни преград, ни препятствий, глаза, уши и все тело свободны, [я] совершенно один, погружен в раздумья, и я не знаю, есть ли между Небом и Землей другая радость, которой можно было бы заменить это состояние. Из-за этой радости я и назвал сад „Сад одинокой радости“»⁵².

В свою частную жизнь Сыма Гуан пускает только тех, кто способен разделить его радость. Именно вторая половина XI в. становится моментом окончательного формирования в китайской культуре образа отдельной личности. Оуян Сю пишет о совместной радости, Сыма Гуан — о своей радости, первый рассуждает как администратор, второй — как частное лицо. Радость Сыма Гуана — это радость отшельника, который свободен и живет в свое удовольствие. Выйдя в отставку, он оставил службу и в своем саду наслаждается всеми прелестями отшельнической жизни: удит рыбу, поливает цветы, выращивает лекарственные растения, любит луну. Так в жизни аристократии реализуются радости простой сельской жизни. Сыма Гуан подчеркивает, что его радует «удаленное, заброшенное и дикое». Свидетельства о наслаждении простотой нравов мы встречаем во многих произведениях жанра *ю цзи*.

Радость захолустья, наслаждение простотой нравов

Многие чиновники неоднократно бывали сосланы и попадали в захолустье. Находясь вдали от столицы, они начинали искать положительные стороны своей вынужденной изоляции. Не добровольно, а вынужденно они становились полуотшельниками и постепенно начинали получать удовольствие от сельской жизни.

⁵⁰ Юй-соу 迂叟 — прозвище Сыма Гуана.

⁵¹ 司马光. 独乐园记 (Сыма Гуан. Надпись в саду одинокой радости) // ЧЮСДС. Хэнань. С. 363–364.

⁵² Там же. С. 364.

Как и другие китайские чиновники, по долгу службы находясь в отдаленных регионах, Су Ши постигает радости простой жизни. Вот как он описывает свой приезд к месту службы в Мичжоу: «Я из Цяньтана приехал служить в Цзяоси, отбросил спокойную жизнь и стал служить; уехал из роскошных покоев и переселился в простое деревянное жилище; перестал смотреть на озера и горы и обосновался в глухой деревне... Когда я прибыл сюда, каждый год был неурожайным, было много воров, много судебных тяжб, блюда, [которые готовили], были очень просты — каждый день *соу ци* и чай из хризантем, местные жители подозревали, что меня это не обрадует (*бу лэ*). Прошел год, я поправился и седые волосы на голове снова стали черными. Я радовался простым нравам [местных жителей] и тому, что чиновники и народ были довольны мной. [Поэтому] я разбил сад и огород, убрал дом, вырубил деревья *аньгэн* и *гаоми*, починил все поломанное и собрался прожить здесь до конца своих дней»⁵³.

И Су Ши, и Оуян Сю считают, что жизнь в захолустье благотворно влияет на физическое и моральное здоровье человека. В «Надписи для беседки достижения радости в уезде Илин» Оуян Сю пишет, что там на берегу Цзяна народ жил очень просто. Земли были захолустными и бедными. Народ не покупал рыбу у торговцев, и она портилась. Когда благородные люди по необходимости останавливались в уездном центре, то они закрывали нос от вони [рыбы] и быстро уезжали, а народ жил в мире. Хижины не были разнообразными. В одном помещении сверху жили люди, а внизу — домашние животные. Жилища были из травы и бамбука, поэтому часто случались пожары. Нравы были такими, что люди верили в чертей, духов и предания, а также в то, что строить дома из черепицы невыгодно⁵⁴. Во втором году правления под девизом *цзин-ю* (1034–1038) в уезд был назначен Чжу-гун, который начал исправлять местные нравы. Именно у него гостил сосланный Оуян Сю и наслаждался этим прекрасным захолустьем. «Нынче же, если говорить о еде, то здесь имеется и рис, и рыба. Также есть вкусы четырех времен года: мандарины, помело, чай и ростки бамбука. Горы по берегам Цзяна прекрасны...» Здесь нет ничего, что можно было бы не любить. Лишь здесь сосланный чиновник может забыть о своих печалях. Здесь любой станет историком. И никто не сможет не радоваться в таком месте.

Приехав управлять в Чучжоу, Оуян Сю пишет, что нынче до этого места, расположенного между Янцзы и Хуайхэ, «лодки и повозки торговцев, гости из других областей не доезжают». Блестящий литератор, привыкший к общению в высших политических и литературных кругах, он отдыхает в этом захолустном месте от перипетий придворной жизни, когда каждое слово рано или поздно могло быть использовано против него. Оуян Сю за свою жизнь неоднократно страдал за свои убеждения и политические взгляды, поэтому кому как не ему ценить спокойствие, умиротворенность жизни в отдаленной местности. Он пишет: «Народ не ведает того, что происходит за пределами их местности. Люди спокойно трудятся в поле и так получают одежду и пищу. В радости они проводят жизнь и приходят к смерти. Кто из них знает, что все это заслуги и благая сила *дэ* государя? Они просто наслаждаются спокойствием и так вот уже сто лет проводят свою жизнь. Когда я приехал сюда, то радовался захолустности этого места и тому, как просто здесь ведутся дела. Я полюбил спокойные нравы местного населения». И далее: «Люди здесь радовались богатому урожаю и с удовольствием прогуливались со мной по живописным местам». Автор создает картину поистине райской жизни. На лоне природы в единении с ней проводят жизнь местные жители. Они и трудятся и отдыхают, вместе со своим правителем

⁵³ 苏轼. 超然台记 (Су Ши. Надпись для павильона Чаожань) // ТСБДЦ. С. 180.

⁵⁴ 欧阳修. 夷陵县至喜堂记 (Оуян Сю. Надпись для беседки достижения радости в уезде Илин) // 唐宋八大家全集. 余冠英主编. 北京: 国际文化出版社. 1996 (Полное собрание сочинений восьми великих эпох Тан и Сун / Сост. Юй Гуань-ин. Пекин, 1996. Т. 1. С. 993–994).

наслаждаются природой. «...Вместе с чувствами приходил я к источнику в горном ущелье, поднимал голову вверх и смотрел на горы, опускал голову вниз и слушал источник. Я впитывал таинственные ароматы, смотрел на тени высоких деревьев. При ветре, инее, льде и снеге зимой в этих местах четко прорезались чистота и изящество. Среди пейзажей четырех сезонов не было такого, который бы мне не нравился»⁵⁵.

После изощренных придворных интриг только дикость и простота захолустья позволяют маститым царедворцам по-настоящему расслабиться и забыть об обидах и печалях. «Простой еды и простого вина достаточно, чтобы насытиться и захмелеть»⁵⁶, — считает Су Дун-по. Каждая вещь может приносить радость. Это размышления мудрого, состоявшегося человека, который в своей жизни прошел через многие испытания и в своем творчестве выразил общий оптимистический настрой китайского национального характера. Умение радоваться — свойство натуры Су Дун-по. Ни у одного другого автора мы не найдем в таком количестве упоминаний о радости и использования иероглифа *лэ* (радость).

При таком подходе к жизни куда бы он ни пошел, разве он не будет радоваться? Но оказывается, недостаточно жить простой жизнью, чтобы радоваться. Если ты надел обувь из травы и одежду из льна, не обязательно станешь радоваться. Ведь и в радости человеку чего-то да не хватает.

В произведениях самого Су Ши и его младшего брата Су Чжэ мы находим свидетельства того, что в молодости и в старости радость поэта не была одинаковой. В молодости Су Ши радовали лишь определенные вещи.

«Того, что может радовать, в Поднебесной бесчисленное множество, но лишь то, что соответствует интересам человека, радует его. Когда он [Су Ши] получал то, что его интересовало, то среди десяти тысяч вещей не было ничего, что бы он променял на эту [радость]»⁵⁷.

Позднее он пришел к выводу, что «каждая вещь может радовать»⁵⁸. Тогда откуда возникают страдания? Как жизнь людей превращается в страдания? Эти вопросы задает себе поэт. «Говорят, что нужно стремиться к счастью и избегать несчастья»⁵⁹. Внутри человека идет борьба между добром и злом. Так как мы все время выбираем и боремся с собой, того, что радует, обычно становится мало, того, что причиняет страдания, обычно становится много. Это называется искать страдания и отвергать счастье. Разве это нормально для людей. Если нет, то почему так происходит? Су Дун-по считает, что человек страдает, когда он погружен в мир вещей, «странствует внутри вещей». На самом деле среди вещей нет ни больших, ни маленьких, но если ты «странствуешь внутри вещей» и смотришь на ситуацию изнутри, то нет того, что не имело бы своего веса, размера и ценности. Дун-по пишет, что когда он соприкасается с ценностной стороной вещей, то приходит в растерянность и утрачивает здравый смысл. Это словно подглядывать в узкую щель за теми, кто борется, — почти ничего не видно и невозможно узнать, кто победит, а кто проиграет. Для «странствующего внутри вещей» добро и зло, печаль и радость проявляют себя вместе, и разве это не огромное страдание! И только тот, кто «странствует вне вещей», радуется бесконечно. К этим немногим счастливым относится и сам поэт. Младший брат Дун-по пишет ему: «Нет такого места, где бы ты не радовался, потому что ты странствуешь вне вещей»⁶⁰.

⁵⁵ Оуян Сю. Надпись в беседке изобильной радости. С. 108.

⁵⁶ Су Ши. Надпись для павильона Чаожань. С. 180.

⁵⁷ Су Чжэ. Надпись в беседке Цзю цю в Учане. С. 216.

⁵⁸ Су Ши. Надпись для павильона Чаожань. С. 180.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

Тот, кто не делит мир на доброе и злое, кто сделал шаг в сторону и отошел от суетности мирской жизни, кто не привязан к материальному миру, всегда будет радоваться. Радость Дун-по такая же, как радость отшельника, как радость журавля. Если в молодости Су Ши радуют только определенные вещи, то в старости он «странствует вне вещей» и постоянно радуется. Вот как он описывает одну из прогулок в период южной ссылки, когда он неважно себя чувствовал: «Быстрым шагом я почти дошел до Сун фэн тин (Беседка ветра среди сосен), за время пути мои ноги устали, и я подумал о том, чтобы остановиться и отдохнуть прямо в лесу. Я смотрел вверх на беседку, которая все еще скрывалась за верхушками деревьев, и думал о том, как же все-таки добраться туда? Прошло много времени, и вдруг я сказал себе: „А то место, [где я сижу], чем оно не подходит для отдыха?“ Я был словно рыба на крючке и вдруг обрел спасение»⁶¹. Далее Су Ши говорит о том, что ничто не мешает ему отдохнуть. Здесь он продолжает мысль, характерную для его мировоззрения и высказанную еще в «Чао жань тан цзи» о том, что он везде будет счастлив. Старость и слабость делают Су Ши мудрее и проще, но не умаляют радости, которую он несет в себе и находит в окружающем мире. Какая разница, где отдыхать, в беседке или, не доходя до нее, в сосновом лесу? В сущности, никакой.

На основании приведенного материала можно говорить, что *частичное* отшельничество — традиционная эстетическая составляющая конфуцианской личности, тесно связанная с природой и отдыхом от служебной деятельности. Именно сочетание деловой и эстетической сторон придавали устойчивость личности истинного конфуцианца, которого невозможно представить себе без радости обучения, общения с друзьями, восхищения достижениями благородных мужей древности, природой и странствиями. Умение радоваться присуще не только авторам сунского периода, но является чертой национального китайского характера. Радость, с которой мы сталкиваемся в надписях *ю цзи*, проявляется не в народной культуре, а в высокой словесности образованной элиты общества. Описание прогулок и странствий одна из важнейших частей традиционной китайской эпиграфики и одна из значительных составляющих китайской духовной культуры.

Summary

Ye.V. Stepanova

The joy of wandering: Epigraphic monuments

This article is called “The Joy of Wandering”. The epigraphy of Northern Song period was used by the author as a main source, especially “inscriptions of travellers” (*you ji*). The article opens with a brief description of the tradition of inscriptions in China and the peculiarities of the *you ji* inscriptions. Wanderings and travels were not only a common pastime for Confucian officials but also a significant part of spiritual culture. Such combination of an official’s service and longterm walking became one of the reasons of the stability of Confucian tradition in China. Wanderings were connected with a sense of joy which appeared during it. Different kinds of joy are examined in the article.

⁶¹ 苏轼。记游松风亭 (Су Ши. Запись о прогулке к Беседке ветра среди сосен) // ЧЮСДС. Гуандун и Хайнань. С. 60.